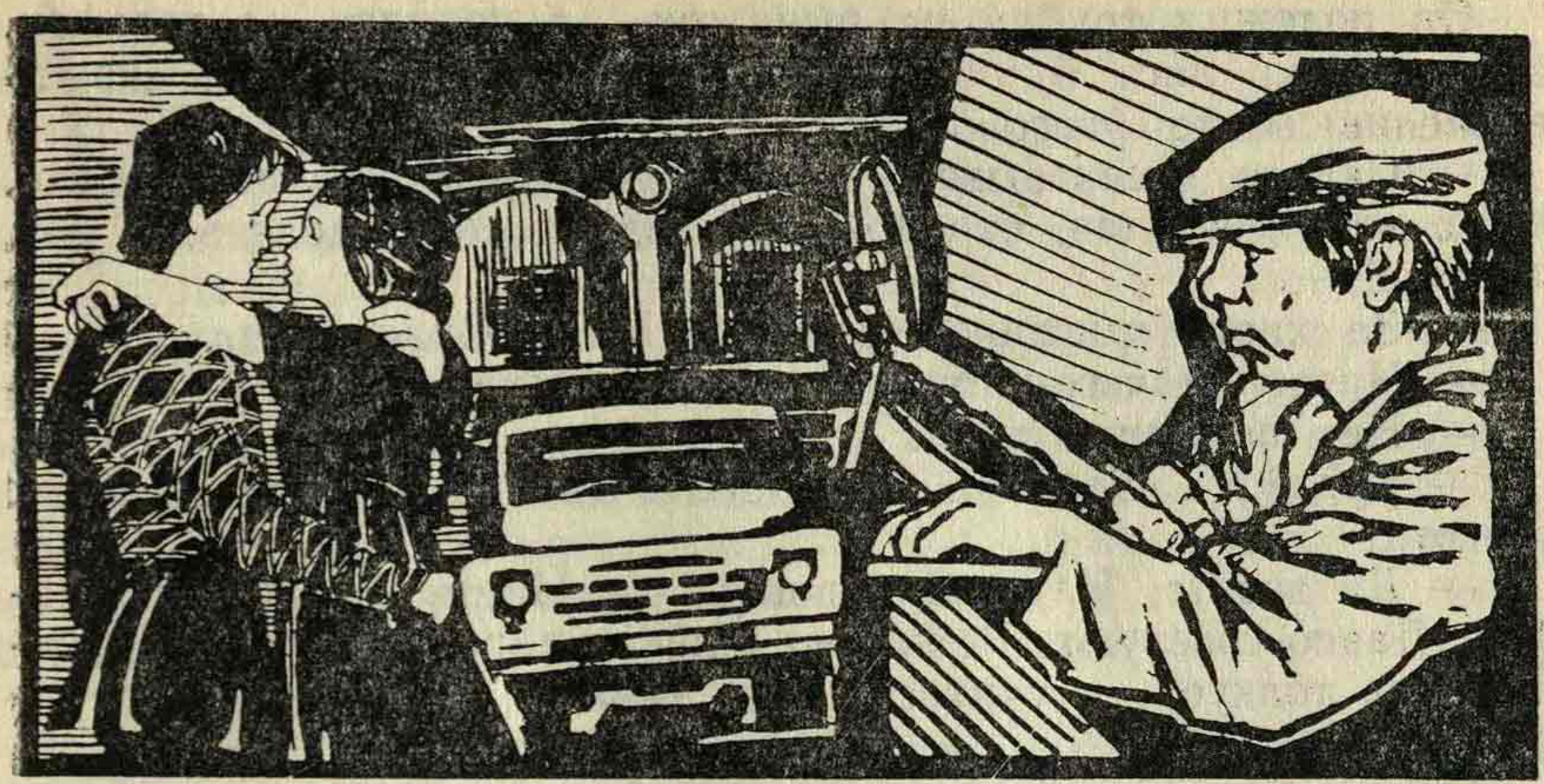

Виктор РЫЛЬСКИЙ ● **О ЧЕМ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»?**

РАССКАЗ

С утра Шура Кочкарь появился в гараже. Послушал анекдоты, сам рассказал парочку. Ругнулся с диспетчером из-за вчерашней путевки. Ехать пришлось в дальнее село по разбитой еще с весенней распутицы дороге. Пока там полдня стояли в ожидании разгрузки (в колхозе не было крана, пришлось упрашивать «левака», а привез туда Шура жатку и запасные части к комбайнам), да пока поужинали, — возвращаться пришлось ночью по малознакомой дороге, которая своими колдобинами душу вытряхивала.

Когда разговоры поутихли и многие ушли в рейсы, он поднял капот «Зилка», подрегулировал уровень бензина в поплавковой камере, чтобы не мучился напарник, и часам к девяти, когда все разъехались, пошел к начальнику автобазы.

Несмотря на утренний час, было жарко. Лениво копошились в пыли воробьи. В тени под забором, высунув язык, лежал автобазовский пес Кардан, он чуть махнул хвостом в приветствие.

Кабинет начальника — в конце коридора, за обитой коричневым дерматином дверью. Петреня говорил по телефону:

— Не могу, у меня механик в запое, инженер в отъезде, завсклад в этом деле не разбирается. Себе на шею веревку не хочу. Прощай, дружище, ты меня выручал, я тебя выручу, но в другое время. Все. Пока.

Он положил трубку на рычажок, покосился на телефон, взял в руки лист бумаги и стал его гладить, чтобы скрыть волнение после разговора.

— Садись, рассказывай, в чем дело. Времени у меня мало, надо, как говорится, страной руководить, дело делать. С чем пришел?

— За характеристикой пришел, Илья Сидорович.

— Натворил чего-нибудь? — насторожился тот.

— Нет, поступать хочу.

— Куда? — вздохнул тот с облегчением, и снова в глазах тревога.

— Да знаете, Илья Сидорович, в Институт кинематографии. Давно советуют. Режиссер нашего народного театра каждый раз толкует — учиться надо, талант у тебя есть. Вот — решился.

Начальник поднял в удивлении брови, выдвинул и вновь задвинул ящик стола, внимательно осмотрел Шуру.

— Вообще-то заходил твой режиссер, толковал, но я не думал, что ты такой талант. — Глаза у него заискрились усмешкой. — Мне хорошие водители нужны, на автобазе и так «артистов» хватает.

— Нет, Илья Сидорович, я всерьез собрался. Не получится, так не получится. Надо попробовать.

— Слушай, Саня. — Начальник вышел из-за стола, сел рядом с Шурой, положил руку на спинку стула. — Ты же сам знаешь, есть у нас хорошие артисты. Вот Тихонов, — загибает он палец, — Никулин, Леонов, ну, там... — начальник подмигивает Шуре, — Марчелло Мастрояни, а мне ох как нужны водители!.. — Он закурил сигарету, стряхнул пепел. — Кстати, ты ближе к искусству, правда, что Марчелло в жизни терпеть не может женщин?

— Кто его знает, в Москве спрошу. — Шура настраивается на веселый лад.

— Ну, чувствую, что не уговорю. С другой стороны, и правильно. Коснись чего, скажут — Петреня талант зажал на автобазе, а талантливый человек, как беременная женщина: срок приходит, должен разродиться. Кто сказал? — Шура пожал плечами. — Вот и я не знаю, а слова хорошие. Может, ты великим станешь. Забудешь старика, а? Забудешь. Я тоже не всю жизнь с нашими алкашами воевал, тоже мечту имел... Ну, хрен с ним. Уговорил, пишу характеристику. Но ты еще подумай. Можешь писать заявление на материальную помощь, подпишу.

Шура поблагодарил и вышел. Понаблюдав в окно, как он

пересекает двор автобазы, начальник сел за стол, достал шариковую ручку, стал писать.

«Характеристика на Кочкаря Александра Павловича. Шофер автобазы № 2 города Реченска Кочкарь А. П. за три года работы зарекомендовал себя знающим специалистом, ежемесячно перевыполняет план грузоперевозок, за что неоднократно награждался грамотами и получал благодарности руководства. Тов. Кочкарь активный общественник, является нештатным автоинспектором, участвует в художественной самодеятельности, создал интересные образы». Петреня хотел еще указать на артистические способности Шуры, но не подобрал нужных слов и закончил характеристику так: «Рекомендую для поступления».

Самолет приземлился в Домодедово. Шура пробился из здания аэропорта в окружении таксистов, которые наперебой предлагали свои услуги, чувствуя особым чутьем, что приехал «пиджак».

Сел в одну из машин. Водитель-здоровяк в служебной фуражке хлопнул дверцей.

— По педалям?

— По педалям, — вяло ответил Шура.

Широкое шоссе понеслось навстречу. Стрелка спидометра— на «сотне». «Мы так не гоняем,— отметил про себя Шура,— план, наверно, большой».

— Слышь, земляк, — окликнул его таксист. — А куда в городе?

— В Институт кинематографии.

— Чего тебе туда, поступать, что ли?

— Поступать, на актерский,— не сразу отвечает Шура.

— Во как! А руки, я заметил, не интеллигента. С железом дело имеешь?

— Шоферю на грузовике.

Водитель оживляется:

— Чего тебя в артисты потянуло, крутил бы баранку. Я вот и артистов вожу, интересуюсь их жизнью, жалуются — ничего, говорят, хорошего. Я бы так предложил кому там наверху: нужен человек на роль — ищи его в жизни, подучи малость, а снялся в роли — гуляй дальше, занимайся производительным трудом. Когда надо, позовут. Вот кто хорошо сыграл шофера в кино? — поправляет он зеркало, чтобы лучше видеть лицо Шуры.

Тот пожимает плечами.

— Куравлев, Пашку Колокольникова...

— В работе твоего Пашку не видно, — возражает таксист. — Хохмы устраивает, а работу показать не умеет. Не работал в жизни шофером. Помнишь, был такой фильм «Большая руда»? Вот Урбанский — шофер, ничего не скажешь. Жизнь надо знать...

Водитель приветственно махнул рукой встречному автобусу. Вновь поглядел на Шуру.

— Тут вчера ко мне в порту садятся две девицы. На вид ничего, ноги есть и все прочее. Тоже во ВГИК, в актрисы. От маминого подола оторвались, насмотрелись картинок в журналах, на красивую жизнь потянуло. Вот поступят, скажем, подучатся, а что дальше?

Он опять вопросительно глядит на Шуру. Тот не знает, что дальше.

— Если поступишь, сыграй шофера, сыграй как надо.

Шура обещает.

У большого серого здания шофер лихо разворачивает машину, берет плату точно по счетчику, машет на прощанье рукой.

Шура подходит к окну с надписью «Выдача пропусков». Через минуту ему протягивают узкую картонку и велят подняться на второй этаж.

— У вас прослушивание! — кричат вдогонку.

На втором этаже стоят будущие звезды кино. У двери приемной комиссии пожилой мужчина, широко раскинув руки, убеждает собравшихся:

— Товарищи, у нас все переполнено, предлагайте свои таланты другим училищам, адреса внизу, пока не поздно. У нас стоять негде!

«Звезды» глухо волнуются, но не уходят. Здесь не пройти. Шура протискивается к другой двери. Тоже людно. Абитуриенты переговариваются оживленно и стихают, когда открываются двери. На двери — лист бумаги со списком прибывших на конкурс. Шура долго смотрит на лист, не знает, что делать. За ним наблюдает молодой кавказец. Подходит к Шуре, трогает за руку:

— На прослушивание?

— Наверно. — Шура не знает, как это называется.

— Пиши свою фамилию, вот здесь внизу. Давай я напишу. Диктуй. Так и пишем. «Коч-карь». Правильно написал?

— Правильно, спасибо. А вы тоже сюда?

— Нет, я на сценарный. Наблюдаю сцены из жизни простых абитуриентов, может пригодиться. Откуда родом?

— С Дальнего Востока, город Реченск.

— Дальний Восток знаю, Реченск не знаю. Здесь в основном окрестные толпятся. Главное в нашем деле — не дергаться. Вид у тебя товарный, одежда соответствует. Держись смелее. Я пошел. Кстати, — Хачик. — Он протянул Шуре загорелую, крепкую руку. — Может, увидимся. Ни пуха!

«К черту»,— думает Шура, смотрит вслед уходящему Хачику, прислонившись к стене, оглядывает окружающих, прислушивается к разговорам.

Рядом две девчонки, лет по семнадцати, схватив друг дружку за руки, убеждают ничего не бояться.

— Если заставит улыбнуться, — говорит одна, — у меня щербинка впереди, может не понравиться.

— Да ничего не будет. В прошлом году впереди меня такая была страшненькая, глянуть не на что, а ее взяли. Он на хара́ктерные роли берет, ему красавицы не нужны.

— Кто знает, вчера были не нужны, а сегодня...

Стрельнув глазами на Шуру, она наклоняется к подруге, что-то старательно шепчет. Шура отворачивается, трогает языком надломленный в давней драке зуб и морщится. Едва тогда «отмахались», когда схватились с забурхановскими.

Потом наблюдает за брюнеткой, увиденной однажды в кино. Там она много пела и танцевала. Сейчас же ходит, гордо подняв голову, мягко ставя ноги. Настоящую артистку Шура увидел впервые и очень удивился, когда она тоже зашла на прослушивание. «Такая поступит», — подумал он без всякой зависти.

Наконец его очередь. Шура входит и замирает у порога, увидя прямо перед собой за столом человека, знакомого по многим фильмам. Идет к столу, останавливается.

— Здравствуйте, — говорят ему.

Эх, забыл поздороваться!

— Извините, здравствуйте.

— Садитесь. — Пока говорит женщина. «Ну, сейчас выдадут» — от этой мысли ему становится жарко.

— Расскажите коротко биографию.

Шура переминается с ноги на ногу.

— Родился в Реченске, там же учился в школе, служил в армии, играл в армейской самодеятельности, а сейчас в народном театре.

— И что играете? — интересуется другая женщина.

— Что выберем. «Если», «Старший сын», «Провинциальные анекдоты». Классику пробовали — «Ромео и Джульетту».

— А вы, простите, кого играли? — вновь интересуется вторая женщина.

— Родственника по линии Капулетти, брата Джульетты.

— И как играли?

— В общем, хвалили...

— Пожалуйста, пройдите, закройте дверь поплотнее, — заполняет паузу мужчина.

Шура вспоминает разговор в коридоре и смекает, что хотят посмотреть его походку. Он даже радуется такому пустяку, но снова с тревогой трогает языком надломленный зуб.

— Читайте, — говорит мужчина.

— Что читать?

— Что знаете.

Шура начинает сбивчиво:

Скажи, Джульетта, так же ль у тебя
От счастья бьется сердце? Если так же,
Найди слова, которых я лишен,
Чтоб выразить, что нас переполняет.
Пропой хоть звук из хора голосов,
Которые бушуют в нашей встрече...

Шура вопрошающе смотрит на комиссию:

— Продолжать?

— Да-да, пожалуйста.

...Богатство чувств чуждается прикрас,
Лишь внутренняя бедность многословна.
Любовь моя так страшно разрослась,
Что мне не охватить и половины...

— Достаточно, — останавливает его мужчина. — Пригласите следующего.

Шура выходит в коридор с бухающим сердцем. Садится на подоконник. Перебирает в памяти каждый свой шаг после того, как вошел в комнату прослушивания. Кажется, все плохо. Так он сидит, пока не заканчивается прослушивание. У него что-то спрашивают, он отвечает. Кажется, подходила та, из фильма.

— Ну как?

— Нормально, — ответил Шура.

Через некоторое время выходит секретарша и называет три фамилии. Одна из них ему кажется знакомой. Он не сразу соображает, что это его фамилия. Когда понял, особой ра-

дости не испытал. Вокруг него царило отчаяние. «Звезды» страдали. Мамы вытирали слезы, какой-то родитель пытался войти в комнату прослушивания, его не пускали. Девочки, которые уговаривали друг друга не бояться, прижимали платки к глазам.

От этой картины Шуре делается тоскливо, и он отправляется в пивной павильон за углом. Протискивается к стойке. Здесь запивают неудачу абитуриенты.

Потолкавшись немного в очереди, Шура заметил Хачика и кивнул ему. Тот пожал Шуре руку как старому знакомому.

— Попал в списки, молодец! Ближе подходи.

Стали за один столик. К ним подошли еще двое, как выясняется, Реваз и Гарик.

— Хачик, пни мячик, — подмигивает Реваз, когда познакомились. — И среди армян бывают хорошие люди.

— Среди грузин тоже, но реже, — не лезет за словом в карман Хачик. Оба смеются старой шутке.

— А у меня, — вступает в разговор Гарик, — отец-мать русские, а я сам черкес. — Он поднимает нож, которым резал сосиску. — Кинжал в руках джигита — грозное оружие, — и делает большой глоток пива.

— А это, — Хачик кладет руку на плечо Шуры, — мой друг Александр, он из далекого города Реченска. Расстояние, я вам скажу... Это не Ереван и даже не Тбилиси. Он приехал, и я верю в его талант!

— По такому случаю полагается пить хорошее вино, — предлагает Реваз и прищелкивает пальцами.

— Надо пойти в «Валдай», — подхватывает Гарик. — Пить — не самое главное. Людей, Саша, посмотришь, себя покажешь.

Шура глядит на свои туфли, далекие от последних модных образцов, на коричневые брюки, расширенные книзу, закатанную по локти ковбойку, серый пиджак в руках.

— Кафе, так кафе — поехали.

Перед «Валдаем» — длинный хвост очереди. «Тут до утра стоять», — думает Шура. Но Гарик, протиснувшись к швейцару, говорит ему что-то на ухо. Тот кивает и объясняет начавшей было шуметь очереди:

— У молодых людей заказано.

Гарик машет рукой, и Шура, сопровождаемый новыми друзьями, поднимается по лестнице.

Столики почему-то огорожены барьерами. «Как стойла»,—

думает Шура. Плавает табачный дым, звякает посуда, раздаются взрывы смеха. В сопровождении метрдотеля они подходят к столу недалеко от эстрады. Усевшись, Шура разглядывает посетителей. В глаза лезет затянутая в джинсы высокая блондинка в свободной блузе типа «марлевка», сквозь нее все хорошо видно. С фужером в руке она обходит столы, чокается, целует мужчин и женщин, что-то им говорит.

Кивнув в ее сторону, Гарик говорит:

— Каждый день тут торчит, а как трогательно встречается!

За соседним столом сидит мужчина лет сорока. Изредка обводит взглядом окружающих, бормочет: «Ненавижу Москву... Не-на-ви-жу», — и снова роняет голову на грудь. «Этот готов», — думает Шура.

— Чего это он ненавидит? — спрашивает Шура у Гарика.

— Наверно, из Питера. Аристократ, не любит купеческую Москву, или шиза какой-нибудь. Не обращай внимания. Таких здесь хватает.

Неспешно подходит официантка, забирает меню:

— Сюда можно не смотреть. Есть салат «Столичный», шашлык по-карски, коньяк, «Узбекистон», конфеты. Что будем заказывать?

Гарик обводит взглядом друзей.

— Не возражаете? — И берет инициативу в свои руки: — Армянского коньяку бутылку. Что-нибудь из сухих грузинских, шашлыки и овощи.

— Если я все это приволоку, — официантка стучит карандашом по блокноту, — надеюсь, у вас найдется, чем заплатить. — Она улыбается и смотрит на Шуру.

— Конечно, — простодушно отвечает тот, хлопая по карману пиджака.

Реваз сурово смеривает официантку взглядом.

— Вы что, не видите, кто к вам пришел? Мы не студенты. Выполняйте заказ.

— Продолжим разговор, — предлагает Гарик, когда выпили по второй. — Насколько я понимаю, мы все пытаемся попасть в один институт. Давайте по принципу финских лесорубов: «в лесу о женщинах, с женщинами о лесе». Вот ты, Хачик, на какой факультет поступаешь?

— Второй раз на сценарный, — с грустью говорит тот. — Как доходит до рецензирования фильма, выше тройки не поднимаюсь. Этюд хорошо, собеседование нормально, общеобразовательные — есть опыт. По баллам 19—20-й, а в мастерскую набирают 15 человек. Мне надо: пять лет хожу в ассистентах режиссера, положение обязывает иметь кинематографическое

образование. Вот пробиваюсь. — Он щелкает зажигалкой, затягивается сигаретой. — Пробьюсь.

— А почему на сценарный, а не на режиссерский? — спрашивает Шура.

— Тоже пробовал. Бесполезно. Я здесь, можно сказать, штатный абитуриент. Меня многие преподаватели знают. И родители подарок приготовили на случай поступления. Знаете, как в том анекдоте. — Хачик косится на Реваза. — Приехал Резо в Москву и поступил в институт. Сообщил родителям. Те на радостях шлют ему телеграмму: «Дорогой сынок, за твое поступление купили тебе машину». Резо пишет: «Не хочу машину, хочу, как все студенты, ездить в автобусе». Вскоре приходит ответ: «Дорогой Резо, мы посоветовались с родными и решили купить тебе автобус, езди, как все студенты», — заканчивает он под звуки оркестра и смех приятелей.

— Ну, давайте за успех, — предлагает Гарик. Тост принимается. Все вопросительно смотрят на Реваза.

— Я должен рассказывать? Давайте сначала потанцуем. Знаете, почему мужчины пляшут? Чтобы не захмелеть. Пойдемте.

Танцевать он уходит один, а возвращается с той блондинкой.

— Вот, знакомьтесь, Эвелина, династическая актриса. Прадед был крепостным актером, а сама никак главную роль получить не может, не понимают ее. Так, познакомились. Вот Саша с Дальнего Востока. Это Гарик — москвич, а это — наш лучший друг Хачик. Познакомились. Давайте выпьем чего-нибудь.

Блондинка выпивает, присев на краешек стула, закуривает, потом просит проводить ее к своему столику. Реваз провожает ее и возвращается.

— Женщина должна хоть на мгновение появиться в мужской компании. Она больше не придет. — Он отхлебывает из рюмки. — Я на экономический поступаю. Буду скромным директором кинопроизводства. Знаешь, во сколько обходится постановка самого среднего фильма? — обращается он к Шуре.— Тот разводит руками. Реваз цокает языком и называет фантастическую сумму.

— Таких денег даже Хачик со своей родней за месяц не заработает. Так что, если идешь в артисты, знай — играть надо. Я сам два раза на актерский поступал. Первый раз приехал с переводчиком, в папахе и черкеске, только без кинжала, вахтер не пустил...

— А почему с переводчиком? — интересуется Шура.

— По легенде, я спустился с гор, где пас барашков, говорю только по-грузински. Всю комиссию развеселил. Пел, лезгинку танцевал. А потом Мастер со мной по-грузински заговорил. Спрашивает: «Как в горах погода?» «Жарко, отвечаю. Воздух чистый» «А давно барашков пасешь?» «Как себя помню». «А почему, дорогой, лицо бледное, руки белые? Ты по телевизору видел барашков?» «Видел...» — говорю. Мне советуют в другой раз приезжать.

На следующий год поступаю к другому мастеру. На этот раз напираю на пролетарское происхождение. Сапоги обул, тельняшку под рубашку надел, чтобы выглядывала. Руки комиссии показываю, — до этого месяц в кочегарке работал. Говорю: «Почему рабочему человеку на артиста не даете выучиться и документ по всей форме выдать?» Помните, как в «Чапаеве?» А мне говорят: «Какой же ты грузин, если кочегаром работаешь?»

Реваз делает затяжку, смотрит в зал.

— Так что номера с сапогами, тельняшками, черкесками, телогрейками не проходят. Там тоже люди с юмором сидят. Захотеть надо сильно. Я вот захотел, — Реваз улыбается, — на экономический поступлю.

— Давай за это, — поднимает Гарик рюмку. — Я тоже свое слово хочу в кино сказать. Мало осталось настоящих мастеров. Драматургия вянет. Впрочем, она и не нужна. Сделаю современную картину, в которой ничего не происходит, фильм без сюжета. Как Бергман, допустим. Смелее надо работать! У нас только из павильона в павильон ездят, вот и все кино.

— Слушайте, интересный у нас расклад получается, — Гарик воодушевляется еще одной рюмкой. — Вот Саша — актер...

— Да какой там актер, — ежится Шура.

— Нет, ты не говори. Черт знает откуда приехал. Тысячи километров. Тут люди из Твери не едут, денег на билет жалеют, а ты... Реваз — директор картины. Хачик и я — сценаристы. Знакомый у меня на режиссерский поступает. Получается созвездие талантов, делающих судьбу прекрасного искусства — кино. — Гарик высоко поднимает рюмку с коньяком. — За наше место в кинематографе!

Потом еще пьют. Шура старается меньше, чтоб не занесло на повороте. Но через час он уже рассказывает какой-то из приглашенных дам о принципе работы двигателя внутреннего сгорания, о своем месте в искусстве, о том, как он любит своих новых друзей, о творческих замыслах.

Просыпается он целый и невредимый на каком-то «квадра-

те», как говорит Гарик. Деньги, которые он пытался, не считая, вручить официантке, оказались на месте: Хачик и Реваз запихали ему в карманы. И рано утром встает с дивана, держась руками за голову, перебирая в памяти прошедший вечер и дорогу, которая привела его сюда. Стараясь не разбудить спящих незнакомых людей, выходит на улицу, всей грудью вдыхает московский воздух.

И снова он перед длинным столом. Так же раскрыты большие окна, за ними утреннее солнце, чирикают воробьи, пахнет свежестью политого асфальта.

Прямо на Шуру, как и в первый раз, смотрит знакомый человек. Одна его рука — на столе, другая поддерживает крупную, с сединой голову. Он долго смотрит на Шуру, но глаза ничего не выражают и кажутся утомленными. Шура знает — это Мастер.

— Ну, что вы нам прочтете? — вновь спрашивает женщина. — Что-нибудь из ваших, дальневосточных авторов.

Шура задумывается.

Пораньше ляг, спокойно спи,
А утром вспомни так,
Что где-то, родом из степи,
Живет один чудак...

— Со стихами ясно, — прерывает его Мастер. — Скажите, а что вы в жизни умеете делать?

— В каком смысле?

— В прямом. Руками.

— Вожу машину, топором владею, кирпичную кладку могу вести, печку сумею сложить...

— А тягу дать можете? — Мастер улыбается краешком губ.

Шура вспомнил эту байку про «тягу». Мужик слепил печку кое-как, получил деньги, выпил, закусил. Затопили печь, а дым валит в избу. «Ну, хозяйка, — говорит печник, — пойду дам тягу». Вышел за дверь — только его и видели.

— Сено косить умею, — продолжает Шура, — в деревне жил.

— А лошадь запрячь смогли бы?

— А чего же.

— Да ну, — оживляется Мастер. — Ну-ка, расскажите, как будете запрягать в телегу, по порядку. — Он подмигивает сидящим за столом, ослабляет галстук, откидывается на спинку стула.

— Значит, так...

Шура вспоминает терпкий запах конюшни, закуток Петра Максимовича, где висела упряжь. Сюда он приходил, как только появлялся у тетки в деревне.

— Сашок, съезди за «красненькой», лучшего коня дам, хоть под седло, хоть в двуколку, — говорил Максимович.

— Да ничего, я на велосипеде.

После второй Петр Максимович, расспросив Шуру про житье-бытье, начинал ругать своих помощников:

— Вот мастера пошли, — ни подковать лошадь, ни объездить, ни случить, ничего не могут...

— А что их, дядь Петь, случать, пусть сами...

Тот начинал горячиться:

— Да ты что! Это ж селекция. Губим коней. У меня пятьдесят голов, из них в работе пять, остальные по деревне рыщут, от рук отбились, одичали. На конях работать надо!

На шум появлялась Нина, его жена. Подперев руками крутые бедра, начинала медленно, постепенно расходясь:

— Залил бельмы, хоть бы парня постеснялся. Совсем очумел с этими конями, днюет-ночует на конюшне, сам в коня превратился, в мерина...

— Да что ты понимаешь в селекции! — пытался защититься Максимович.

— Я, может, в селекции не понимаю, а то, что ты спился,— вижу.

— Ладно-ладно, — говорил тот, — видишь, городской человек, а ты — на чем свет стоит. Кончаем разговор...

Шура перебирает в памяти порядок запрягания.

— Набрасываем седелку, надеваем хомут, поворачиваем его, продеваем в гуж дугу, захватываем с другой стороны гужом, застегиваем подбрюшник, заматываем на оглоблю чересседельник, цепляем вожжи, продеваем в кольцо дуги и крепим к оглобле повод.

— И поехали? — снова подмигивает коллегам Мастер.

— А что, и поехали. «Кажется, правильно запряг».

— Плохая езда получится. Хомут холку собьет, дуга завалится, а рысью погонишь — вся упряжь сползет. Супонь, товарищ ездовой, затягивать надо, — торжественно заключает Мастер.

«Точно», — удивляется Шура. И проникается уважением к этому немолодому человеку.

— С лошадью заминка вышла, а вот как с машиной? Вы, кажется, шофер по профессии? Вспомните какой-нибудь эпизод из шоферской жизни.

«Хотят узнать, какой я рассказчик, жаль — не готовился, но попробую». И Шура вспоминает.

...В северный район было езды километров пятьсот. В такие рейсы отправляли двух водителей — вести машину попеременке. Ему дали в напарники Витьку Катышева. Как выяснилось потом, его не следовало садить в машину: Витька маялся похмельем, накануне принимал в гости тестя с Украины, — не то что за рулем, на сидении едва держался. В диспетчерской, с путевкой в руке, благополучно миновал врача, думал, пройдет похмелье в дороге, но нет, силен оказался украинский самогон. Долго икал Витька, стискивал голову руками, пока не отъехали подальше от постов ГАИ. Там, на 132-м километре, он опохмелился. А выпивши — за руль ни-ни, хоть стреляй его, не сядет, да не дал бы Шура. Пришлось самому крутить баранку. А Витька сразу уснул.

Нет хуже для шофера, когда кто-то рядом спит. Машину покачивает, мотор гудит, дождь накрапывает. «Дворники» по стеклу «шик-шик», «спишь-спишь». Шура слушал-слушал, смотрел-смотрел, от ног тепло пошло к животу, груди, веки отяжелели — и задремал Шура. Колеса прихватили бровку, резко пошли влево, только деревья застонали. Шура и крикнуть не успел. Лежит на спине, голова просунулась к педалям, под руками стекло мелкими кусочками, а сверху давит Витька.

«Ну все: сейчас искра — и полыхнет!..» Память услужливо крутанула киноленты: переворачиваются, горят, взрываются машины, чтобы вытащить трупы, применяют автоген... В тишине было слышно, как стекает на землю бензин.

— Скорее наверх! — толкнул он кулаком Витьку.

Правая дверца была над головой. Витька открыл ее, вылез, подал руку Шуре. Спрыгнули, отбежали подальше.

«Можно еще что-то спасти», — мелькнула мысль. Шура подбежал к машине и выскочил почему-то с одеялом.

Пожара так и не случилось.

— Любите свою профессию? — спросил Мастер, когда Шура закончил.

— Ничего работа, нравится.

— А почему на актерский поступаете?

— Попробовать хочу.

— Попробовать... — Мастер постучал карандашом по столу. — Попробовать... — Потом поднял глаза на Шуру. — Надо не пробовать, а поступать. Идите, готовьтесь к другим экзаменам.

Шура вышел за дверь. Неплохо бы заявиться в Реченск—

и сразу на автобазу. Так, мол, и так, мужики, в артисты приняли. Уеду осенью учиться. Представил, как не поверил бы начальник. А ребята, наверно, обрадуются. А если не пройду? Неудобно получится. Скажут: хвалился-хвалился и набок свалился. Надо поступать».

Потом была пробная киносъемка. Прошедших два тура абитуриентов загримировали и повели в учебную студию. Шура снимался четвертым. Ассистент режиссера предложил сыграть этюд.

— Значит, так. Вы, находясь в отпуске, допустим, в Сочи, получаете срочную телеграмму, в которой трагическое сообщение. Ваш отдыхающий организм и все сознание отказывается воспринимать это. Но факт есть факт, и вы должны его принять. Борьбу ваших чувств в этот момент мы и снимем. Поехали, выход отсюда, — показал он на дверной проем. — Подходите к столу, а там как бог на душу положит.

— Подождите, я так не могу. — Шура подошел к ассистенту. — Я и в Сочи-то никогда не был, телеграмм таких сроду не получал. Что я вам сыграю? Может, что другое?

— Другое будете играть на «Мосфильме», а здесь что просят. Так надо. Договорились? Дубль первый, мотор, камера, не волнуйтесь, поехали.

Шура дернулся от двери. На негнущихся ногах подошел к столу, взял воображаемую телеграмму и... улыбнулся.

Ассистент тронул рукой оператора, останавливая съемку, поглядел на Шуру.

— Вы что, рады трагическому сообщению?

— Да не вижу я никакой трагедии. Крутите тут кино...

— Еще один реалист, — поворачиваясь к оператору, сказал ассистент. — У артиста должно работать воображение и чувство перевоплощения. Реализм в искусстве опасен своей реальностью. Режиссер умирает в актере. Слыхали об этом? В данном случае режиссер — я.

«Такой баклан умрет, пожалуй. Палкой не убьешь». — Шура начал злиться.

— Даю вам время на подготовку, — ассистент показал на дверь. — Мы пока с другими поработаем. — И повернулся к оператору. — Набрали артистов...

«Ну зануды, — думал Шура, выйдя за дверь. Доконают такой съемкой».

— ...Войдите, Кочкарь, продолжим.

Шура взял воображаемую телеграмму, изобразил как мог на лице страдание и вышел за дверь, махнув рукой.

Перед ним сидела комиссия. Сколько знаменитостей Шура видел впервые. Внутри похолодело. Десятки глаз глянули на него: любопытные, равнодушные, строгие, насмешливые. У кого-то в руках он заметил свою фотографию.

Ветерок слегка шевелил шторами, в тишине назойливо жужжала муха, залетевшая с улицы. Толстой с портрета скорбно наблюдал за Шурой. Вся обстановка ему не нравилась.

Потом он что-то читал, пересказывал основные вехи своей биографии, убеждал комиссию, что не мыслит свою жизнь без кино, что сумеет создать всякие образы. Комиссия это заявление восприняла весело и с энтузиазмом.

— Вы уверены, что кино не может без вас обойтись?

— Уверен — не то слово, не обойдется...

Мастер, беседовавший с ним в прошлый раз, задал неожиданный вопрос:

— О чем «Ромео и Джульетта»?

Шура вспомнил уроки народного театра и ответил квалифицированно:

— О судьбе двух людей и зле, в котором они жили. О человеческой глупой гордости и упрямстве.

— Нет, о чем это произведение?

Шуре показалось, что Мастер задал этот вопрос уже с раздражением.

— Вы, наверно, читали... — растерялся он.

— Ну хорошо. Можете быть свободны. Желаю успехов на следующих экзаменах.

Шура попрощался, вышел из института, стал на широкой ступени у входа.

— Эй, земляк!

Шура повернул голову. Справа, на стоянке автомобилей, копался в моторе таксист, который привез его сюда из аэропорта. Руки его были измазаны, фуражка сдвинута на затылок.

— Подержи-ка эту хреновину, двух рук не хватает.

Дело оказалось пустяковым — прокачать бензонасос, проверить подачу топлива в карбюратор. Шура жадно вдохнул запах бензина. Привычно положил пальцы на рычажок ручной подкачки. Струйка топлива выплеснулась из трубки на двигатель.

— Так, здесь нормально. — Таксист вытер руки тряпкой.— Я сейчас проверну ручкой вал, посмотри.

Через пару минут затянули бензопровод, завели двигатель.

— Все нормально, садись. — Шофер пожал ему руку. — Я твой должник, куда подвезти?

— Давай к общежитию.

Машина пошла вниз по улице Вильгельма Пика.

— Долго уже здесь толкаешься? — Таксист настроил зеркало обратного вида на Шуру.

— Две недели.

— Я неделю не посижу за рулем — потом день привыкаю. Форму держать надо. О чем спрашивали на экзаменах?

— Разное. Как дом срубить, печку сложить...

— Они что, на прораба тебя экзаменовали?

— О многом спрашивали. Вот, кстати, ты шофер первого класса. Первого?

Тот кивнул.

— Знаешь, о чем «Ромео и Джульетта»?

— Как о чем? О любви...

— Ну вот, вам в Москве виднее. Тормозни-ка у общежития, я сейчас.

Шура вышел с чемоданом.

— А сейчас давай прокатимся в Домодедово.

Шофер удивленно посмотрел на него.

— Для прогулки далековато...

— Я в один конец, там возьмешь пассажира. Домой надо, а то забыл, как коня запрягать.

— А при чем тут лошади, ты же вроде шофер?

— Да я так, к слову, а то и баранку разучусь крутить.

Всю дорогу молчали. Водитель что-то понял и не задавал вопросов. Только подъезжая к месту, спросил:

— Не по зубам белокаменная оказалась?

— Почему же? — Шура пожал плечами. — Москва от нас никуда не денется. Будь здоров!